

Прирожденный бунтарь

По белоснежному насту тянулась цепочка следов. По ним, прихрамывая, шел серый, крепко сбитый сибирский волк. Его задняя лапа была ранена, и он двигался небыстро.

Над ним закричала белая сова, склонила голову и, взмахнув крыльями, улетела.

Хо Бэй принялся, затем облизал рану на задней лапе. Его холодный взгляд устремился вдаль. Дальше был ледяное озеро, что было в совершенно противоположной стороне от того места, куда он шел раньше. Он колебался, стоит ли идти туда.

Хоть запах Ци Чу и исчез здесь, но если он пойдет дальше, то может еще больше отдалиться от стаи.

Пока он раздумывал, сзади донесся какой-то шум. Это было не похоже на шорох рыси или снежного барса, пробирающегося сквозь лес. Скорее, это был звук, издаваемый крупным зверем, например, медведем, который ломал сухие ветки, идя через чащу.

Хо Бэй обернулся, посмотрел в ту сторону, а затем, снова повернувшись, направился к ледяному озеру у подножия горы.

Он так и не встретил ни стаю, ни их следов. Хоть Хо Бэю и не хотелось этого признавать, но он все больше склонялся к мысли, что Сора, с его-то отсутствием чувства направления, снова завел стаю не туда.

Шерсть на его теле топорщилась, хвост был опущен. Хо Бэй слегка согнул задние лапы и, оттолкнувшись, прыгнул. Используя скалу как опору, он снова прыгнул и приземлился на ровную площадку у подножия склона. Его лапы утонули в глубоком снегу, что, наоборот, помогло ему не поскользнуться.

Тем не менее, он по привычке впился когтями в землю. Каждый его шаг был осторожен, уши наострены, прислушиваясь к малейшему шороху.

Ци Чу на самом деле не был без сознания. Просто после двух ранений подряд он действительно не мог встать. Он лежал, прислушиваясь к разговорам волков, и от их слов у него невольно дергался не только хвост, но и уши.

Сора и остальные не обратили на это внимания, лишь молчаливый шестой, Цзе Ла, заметил. Он

с любопытством подошел, но, не решаясь приблизиться, отступил на пару шагов и, отвернувшись, сказал:

— Цзя Лэ...

Цзя Лэ, который был в состоянии «у меня плохое настроение, и я хочу буяннить», злобно рявкнул:

— Что?

Цзе Ла, и без того робкий и замкнутый, после такой грубости поджал хвост и, покачав головой, больше ничего не сказал.

Ци Чу, прищурившись, видел, как замкнутый Цзе Ла, опустив хвост и голову, снова спрятался за деревом.

— Цзя Лэ, — вдруг сказал четвертый, Цзя Но.

— Что еще? — нетерпеливо отозвался Цзя Лэ.

— Пойдем вверх по склону от озера, — Цзя Но, привыкший к характеру брата, принял и добавил: — Вожак, скорее всего, там.

Цзя Лэ посмотрел в указанном направлении, подумал и, сообразив, стиснул зубы.

— Так это же в другую сторону!

Цзя Но кивнул.

— Да, похоже, мы искали не там.

Ци Чу отчетливо видел, как от гнева у Цзя Лэ ходуном ходит живот. Его когти впились в землю, он оскалил клыки, но когда он уже готов был высказать свое недовольство Соре, третий, Хэ Ло, встал перед ним, недобро смотря на него и угрожающе рыча:

— Цзя Лэ, что ты задумал?

Иерархия в волчьей стае была строгой, и пятый, Цзя Лэ, был ниже по рангу, чем Сора и Хэ Ло.

— Он ничего не задумал, — Цзя Но встал между ними, заслоняя Цзя Лэ от взгляда Хэ Ло. —

Давайте лучше подумаем, как подняться на гору, да еще и с ним.

«Ним», естественно, был Ци Чу. Когда все посмотрели на него, он тут же закрыл глаза, притворившись без сознания.

На пятый день после исчезновения вожака напряжение в стае наконец вышло наружу. Пока Хо Бэй был здесь, ни Сора, ни Цзя Лэ не смели выказывать свое недовольство.

Они все видели, что бывает с теми, кто бросает вызов вожаку, и не хотели испытать это на себе.

В итоге, волки расселись вокруг Ци Чу, ожидая, когда он очнется и поведет их. Под такими пристальными взглядами, даже с его железными нервами, Ци Чу стало не по себе. Помучившись несколько минут, он понял, что притворяться дальше бессмысленно, и медленно открыл свои собачьи глаза.

Волки тут же с любопытством вытянули морды. Он почувствовал неприятную боль в хвосте и нехотя сел.

Его хвост был прижат лапой Цзя Лэ.

— Почему у тебя хвост такой мягкий? — спросил тот, склонив голову.

У волков хвост и шерсть довольно жесткие, а у хаски шерсть мягкая и пушистая. Но Ци Чу, глубоко вздохнув, невозмутимо ответил:

— Так ты обращаешься с хвостом партнера вожака?

Цзя Лэ замер.

Он приподнял кончик когтя.

Раны на шее и спине Ци Чу хоть и были неглубокими, но уже не кровоточили. Запекшаяся кровь стягивала шерсть, вызывая неприятное ощущение и тянущую боль. Опустив хвост, он устало побрел вдоль озера.

К счастью, гора была недалеко, иначе он бы не нашел дорогу.

Спускаться можно было и скользя, но подниматься приходилось шаг за шагом. Без запаха, который мог бы служить ориентиром, Ци Чу мог полагаться только на свою память, пытаясь найти знакомый маршрут.

— Куда мы идем? — спросил Сора, видя, что Ци Чу ходит кругами. — Это дорога к вожаку?

— Сначала найдем место, где я упал, а оттуда уже будем искать вашего вожака, — облизывая лапы, ответил Ци Чу, с трудом карабкаясь вверх. — Гора большая, как я иначе дорогу найду?

Место падения найти было нетрудно, достаточно было идти вдоль края обрыва. Но найти в такой заснеженной горе след одного волка было все равно что искать иголку в стоге сена.

Сора, с его-то отсутствием чувства направления, подумал и решил, что в словах Ци Чу есть смысл. Не зря он пара вожака.

Одна из особенностей хаски как ездовых собак — они плохо подчиняются командам, так как у них есть собственное мнение. Они подчиняются только вожаку, а в его отсутствие считают вожаком себя и слушают только себя.

Проще говоря, хаски — прирожденные бунтари.

А тем временем волк, спустившийся с горы, уловил слабый запах стаи. В его глазах мелькнуло удивление. Запах был сильным, и в нем чувствовалась примесь крови.

Он ступил на лед озера и, идя по запаху, снова оказался у подножия горы. Растерянно подняв голову, он уставился на ту самую гору, с которой только что спустился, и погрузился в раздумья.

<http://bllate.org/book/16981/1583383>